

11 ноября (воскресенье)

Утром была получена следующая телеграмма Н.С.Хрущева для тов.Микояна А.И. (спец. № 1013):

По переданному тебе последнему посланию Президента Кеннеди и вопросам, которые он поставил, сообщаем наши соображения о намечаемых нами шагах с целью достичь благоприятного результата и добиться реализации обязательств, взятых на себя Соединёнными Штатами Америки, как они были изложены в посланиях Президента и в нашем послании Президенту США от 28 октября. Передаем^{их} тебе для размышления и переваривания. Хотели бы знать твоё мнение, ведь ты теперь вроде как бы кубинец.

Мы обсуждали эти вопросы в полном составе нашего коллективного руководства и с военными, и все присутствующие пришли к единому заключению, что разумно было бы поступить сейчас так — согласиться на удаление всех ИЛ-28 с Кубы, всего их там у нас 41 штука.

Что мы теряем и что приобретаем в результате удаления с Кубы ИЛ-28? Потерь особых нет. Только моральные потери будут для Кубы. С военной точки зрения потерь почти нет, потому что эти самолёты, как всем известно, устаревшие и не играющие роли в войсках, и мы уже давно прекратили их производство и расформировываем части, вооружённые ИЛ-28. Те остатки этих самолётов, которые сейчас ещё есть у нас — это результат действий со стороны США и наш ответ на эти действия.

Если бы не было такой акции со стороны президента, когда он потребовал санкции на мобилизацию 150 тысяч резервистов, у нас этих самолётов и частей, вооруженных ими, не было бы, самолёты были бы уже изъяты.

Мы представляем себе трудности, связанные с тем, чтобы такое понимание вложить в сознание нашим друзьям. Но в этом и искусство политических деятелей, чтобы, встречая трудности, проявить способность преодолеть эти трудности.

Мы считаемся с тем, что наше согласие на удаление ИЛ-28 с кубинской территории окрылит внутреннюю контрреволюцию на Кубе, окрылит и агрессивные силы в США и они будут обгрызать и раздувать это как свой успех.

Мы можем, собственно, и не согласиться с требованием Соединённых Штатов и не удалять ИЛ-28. Мы убеждены в том, что это не вызовет военного конфликта и немедленного вторжения на Кубу, хотя гарантировать это, конечно, нельзя, когда имеешь дело с сумасшедшими. Но мы думаем, что в нынешних условиях Соединённым Штатам было бы трудно пойти на такой шаг.

Настоятельное требование США об удалении ИЛ-28 объясняется прежде всего не тем, что их тревожит сам факт присутствия на Кубе ИЛ-28 и они хотят поэтому удалить их с Кубы, говоря, что это — оружие наступательного характера. Это выдуманый довод, потому что сами США, американские военные понимают, что это — оружие, совершенно не пригодное для применения за границей, так как из-за малой скорости ИЛ-28 нуждаются в зенитном прикрытии. Но главное дело не в скорости, а в высоте, потому что потолок их — всего 12 тысяч метров и такие самолёты, как ты знаешь по докладам тебе твоих сыновей, уже забракованы нами даже в качестве летающих мишеней, так как они не отвечают требованиям, на них нельзя тренировать войска по зенитному прикрытию.

Все это американцам, конечно, известно.

Почему же они сейчас заостряют внимание на этих самолётах? Тут, так сказать, два фактора играют роль. Первое — это то, что президент назвал самолёты — бомбардировщики в своей прокламации, а ранее, как ты увидишь из послания, — говорил в своём выступлении 22 октября о "реактивных бомбардировщиках, способных нести ядерное оружие", и пр. Это одно. Здесь вопрос, так сказать, престижного характера, вопрос президентского престижа, престижа страны. Самое же главное, мы думаем, в том, что сейчас усиливается критика в США позиции президента за то, что президент в переписке с нами связал себя обязательством: если другой стороной будут выполнены какие-то условия, то США берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу и удерживать от

этого своих союзников, т.е. страны западного полушария. Это - главное, что беспокоит сейчас Кеннеди, потому что огонь критики его противников направляется как раз в эту точку.

Поэтому президент хочет сейчас сманеврировать: или добиться удовлетворения полностью тех условий, которые он выставил - удаление с Кубы ракет и бомбардировщиков ИЛ-28, или же, в противном случае, сорвать соглашение, т.е. не выполнить свои обязательства, которые он взял в посланиях от 27 и 28 октября, мотивируя это перед мировой общественностью тем, что мы не выполнили своих обязательств. Это - главное у него.

Теперь перед нами задача: мы должны, как революционеры, как руководители оценить положение, взвесить, что сейчас было бы главным, какому фактору отдать предпочтение в интересах Кубы - оставить бомбардировщики и, следовательно, сорвать выполнение обязательств, которые были даны при условии вывоза ракет, но иметь на Кубе ИЛ-28, или же удалить самолёты ИЛ-28, как мы удалили ракеты, но иметь соглашение о невторжении на Кубу как со стороны США, так и со стороны других латиноамериканских стран, окружающих Кубу.

Вот это надо взвесить. Когда мы обдумывали, обсуждали эти вопросы, то все присутствующие пришли к безоговорочному выводу, что это вещи неравноценные. ИЛ-28 не годны для нападения, как мы уже объясняли и говорили, и это понимают американцы; что же касается защиты, то самолёты ИЛ-28 - это не абсолютное оружие, которое делает территорию, где они находятся, неприкосновенной для вторжения противника. Мы отлично это сами понимаем и умеем оценивать и думаем, что это убедительная аргументация и для наших друзей. Ведь если бы, например, средства, которые имеются на Кубе, и в том числе ИЛ-28, были у нашего противника, то для советской страны, при наличии тех средств, которые мы имеем, это не было бы препятствием для агрессивных действий, потому что сопротивляться этими средствами той мощи, которой мы располагаем, а мы исходим из того, что этой мощью располагает и наш противник, - было бы невозможно. С этими средствами можно проявить героизм, но для достижения главной цели - для отражения нападения, - этих средств недостаточно. Этих средств достаточно для отражения вторжения типа 1961 года, и даже нападения более мощных сил, но не всех сил, которыми располагают США.

По дипломатическим каналам нам известно, что представители США, соглашаясь, что самолёты ИЛ-28 - оружие действительно устаревшее, и оно большой опасности для Соединённых Штатов не представляет, мотиви-

руют свое требование об удалении ИЛ-28 с Кубы тем, что это оружие представляет большую опасность для латиноамериканских стран. Они поэтому заявляют, что должна быть гарантия в том, чтобы не было угрозы странам, расположенным в районе Карибского моря. Это тоже следовало бы учесть, потому что удаление ИЛ-28 с Кубы даёт большее основание требовать, чтобы была гарантия и с другой стороны, т.е. гарантия через ООН, что никто, никакая страна в Карибском море не будет предпринимать акций вторжения, нападения и подрыва против Кубы. Это были бы взаимные обязательства всех стран района Карибского моря.

Поэтому мы считаем, если бы нас правильно поняли наши друзья, что, с точки зрения холодного рассудка, надо было бы пойти на то, чтобы ИЛ-28 отозвать с Кубы со всем персоналом, и, как говорят Соединённые Штаты, со всем оборудованием. В результате этого мы создали бы такие условия для США, когда они были бы вынуждены выполнить взятые на себя обязательства, изложенные в посланиях Президента от 27 и 28 октября. И мы считаем, что это важнее, чем проявление упорства в сохранении на Кубе ИЛ-28.

Правда, могут сказать, что аппетит приходит во время еды, что США будут выдвигать новые требования и настаивать на их удовлетворении. Но мы в переговорах будем давать отпор этому.

Что касается вопроса о пребывании наших инструкторов, которые находятся на Кубе, то после удаления ракет и самолётов ИЛ-28 там уже не остаётся, собственно, оружия, которым не могли бы овладеть сами кубинцы. Поэтому вопрос о советских инструкторах на Кубе - это не проблема, не вопрос сегодняшнего дня.

Мы перебросили на Кубу некоторое вооружение, которое требовалось для прикрытия людей, обслуживающих ракеты, когда же ракеты удалены, то и потребность в этом прикрытии отпадает.

Но оружие, которое завезено на Кубу, - находится там и никто не думает вывозить его оттуда. Потом, когда нормализуется положение, это оружие, видимо, будет целесообразно передать кубинцам. Они вполне могут им овладеть сами (это - танки, бронетранспортёры и прочие виды оружия). Часть зенитных средств уже находится в руках кубинцев. В будущем может создасться такое положение, когда, мы думаем, и вовсе отпадёт необходимость иметь наши войска, которые обслуживали бы эти зенитные средства. (Но это для тебя, это, так сказать, на будущее).

Теперь об ИЛ-28. С точки зрения обеспечения безопасности Кубы и использования в целях обороны, истребители, которые там имеются, являются лучшим средством, чем ИЛ-28. Но это истребители, о них сейчас речь не идёт. Американцы, наоборот, говорят (Роберт Кеннеди в беседе с Добрыниным 5 ноября), что они не ставят вопрос об отзыве истребителей с Кубы, а между тем, истребители - более современное средство.

Об истребителях мы тебе говорим к тому, чтобы, когда ты будешь беседовать с друзьями, сказать, что те же функции оборонительного характера, для которых предназначались ИЛ-28, истребители, находящиеся на Кубе, выполняют более успешно. Кроме того, они более универсальны, потому что могут принимать и вести воздушный бой, чего не в состоянии делать ИЛ-28.

Не сейчас, а потом, в зависимости от того, как будут развиваться события, может быть, если будет необходимость, придется дать кубинцам подкрепление, но не за счет бомбардировщиков, а за счет именно истребителей, о чем надо сказать им.

Мы считаем, что по вопросу о проверке выполнения договоренности относительно вывоза ИЛ-28 мы смогли бы договориться с американцами, чтобы эта проверка основывалась на тех же условиях, на которые мы взаимно согласились с ними в отношении ракет, - проверка на судах в нейтральных водах. Такой порядок не потребовал бы проверки на территории Кубы.

Так мы понимаем вопрос о проверке. Конечно, когда мы приступим к конкретным переговорам об этом, видимо, здесь будет оказан нажим со стороны США. Но это надо предвидеть, и мы думаем, что прецедент, который уже имеется, будет применен и для этого вида оружия.

О присутствии наших военных инструкторов на Кубе. Это вопрос, как мы понимаем, в послании президента США выдвигается не как условие для разрешения конфликта, а как пожелание на будущее с тем, чтобы окончательно нормализовать положение. Видимо, на будущее это приемлемое пожелание и оно не создаст трудности ни для Кубы, ни для нас при условии, если будет достигнуто соглашение на той основе, которая была заложена в посланиях, и это соглашение будет выполняться.

Самое трудное - психологическая сторона вопроса. А психологию у каждого человека проявляется по-особому, она конкретно не доказуема.

тут вопросы решаются рассуждениями о возможном и невозможном. Когда кубинские друзья говорят о том, что США верить нельзя, — это правда; нельзя не согласиться с этим, и мы по собственному опыту знаем это. Но с другой стороны, у нас покамест ничего иного и нет, как пользоваться данным словом и полученными заверениями. На этом фактически и основано сосуществование двух систем государств с разным социально-политическим устройством. Проявляя бдительность, осторожность, мы должны строить нормальные отношения между государствами, так как другого не дано.

Если же исходить из положения: я не верю, я не терплю, — то это значит отрицать возможность мирного сосуществования. Это была бы, так сказать, перманентная война, пока одна сторона не окажется абсолютным победителем.

Однако по этому вопросу мы имеем своё понимание. Оно изложено в решениях съездов нашей партии, в Программе КПСС и нашло своё выражение в Декларации коммунистических и рабочих партий 1957 г. и в Заявлении 81 партии 1960 года. Мы живём в такое время, когда существуют два мира — мир социалистический и мир капиталистических стран, а также промежуточные, переходные государства, которые чаще всего в решительную минуту в ООН по основным вопросам голосуют, к сожалению, не с нами.

Это все мы должны учитывать. Я думаю, что нашим друзьям понятно, что сейчас идти нам на обострение в Карибском море и не идти на компромисс и на взаимные уступки, — было бы движением в тупик. Этого мы не хотим. Видимо, и наши противники — империалистический лагерь — вынуждены считаться с тем, что, если с их стороны не будет также проявлено понимание и сдержанность, то дело может кончиться катастрофой.

Поэтому мы считаем, что для нашего лагеря, именно для нашего лагеря, а не только для Кубы — для Кубы же в первую голову — ликвидация напряжения, которое создавалось в Карибском море, путём соглашения на основе условий, изложенных при обмене посланиями между США и Советским Союзом, была бы плюсовым результатом. Кроме того, были бы и другие плюсы для нас, для Кубы, потому что это неравноценное, неравнозначное соглашение: с одной стороны, публично и торжественно взятие США обязательства о том, что они и другие страны западного полушария не совершат вторжения на Кубу, а с другой стороны, — вывод с Кубы ИЛ-28.

Человек, который свободен от определенного морального психологического фактора и который может мысленным взором окинуть шире положение, создавшееся сейчас в связи с Кубой, поймёт явную пользу для нас, для Кубы такого соглашения.

Возвратимся к заявлениям кубинцев о том, что США нельзя доверять. Вообще это правильно: и это мы называем обидительностью. Но мы считаем невероятным, чтобы США сейчас, пойдя на соглашение с нами, решили бы после удаления ИЛ-28 с Кубы вторгнуться на Кубу. Так мыслить, — это значит совершенно не понимать значения ИЛ-28, переоценивать их возможности, как вида вооружения и вместе с тем недооценивать возможностей противника и оружия, которое находится в его распоряжении.

Если исходить из рассуждений наших кубинских друзей, то получается так: американцам верить нельзя, и если после вывоза ракет мы вывезем с Кубы самолёты ИЛ-28, создадутся лучшие условия для нападения на Кубу. Такое представление не соответствует действительности, так как если бы США в самом деле имели намерение совершить вторжение, то самолёты ИЛ-28 не были бы сдерживающим фактором. Думать иначе — было бы непониманием реального положения вещей.

Конечно, вывоз самолётов — ИЛ-28 — уступка с нашей стороны. Мы ведь хотели отделить это оружие от ракет, но оно в какой-то степени вкладывается в понятие наступательного оружия, потому что — это бомбардировщик и довольно дальнего действия. В своё время, лет двенадцать назад, это был лучший бомбардировщик в мире и мы много рекламировали его. Но теперь он уже устарел, и мы его сняли с вооружения.

Все это мы тебе говорим, чтобы ты сам, как говорится, уразумел и что тебе будет непонятно, мог бы нас запросить, если требуется дополнительное разъяснение, чтобы подготовиться провести беседу и постараться убедить кубинских друзей в том, что шаг, который мы предлагаем сделать, является шагом в пользу стабилизации положения на Кубе.

Нам, сидящим здесь, в Москве, и тебе на месте ясно, что если мы затащим спор сейчас, мы затащим соглашение, затащим тогда ненормальное положение в Карибском море, сохраним напряжённость.

Сейчас созданы трудности для движения судов на Кубу. И вообще, конечно, при блокаде Кубы у нас нет возможностей посылать корабли под охраной, чтобы прорываться через блокаду, потому что расстояния и географическое положение Кубы — это и сами товарищи кубинцы должны понимать — очень невыгодны для нас. Следовательно, от сохранения

блокады Куба будет страдать, потому что она нуждается в непрерывных связях с внешним миром и прежде всего с Советским Союзом. Это тоже фактор, который учитывает противник и он его хочет использовать, т.е. затянуть сохранение блокады, или, как говорят США, карантина, а это ведь блокада. США могут держать такое положение длительное время, а может быть, даже бесконечно. А для Кубы - я не знаю, как кубинцы это оценивают, - мы считаем, будет очень трудно это пережить.

Они могут сказать, что мы переживём, мы умрём... Это мы и сами знаем. Мы уже 45 лет прожили и были в блокаде, босые, голодные, жили на четвертушке овсянки и сражались. Так что такие аргументы для нас - это пройденный этап. Мы шли и умирали, и многие умерли. Но мы все-таки боролись не для того, чтобы всем умереть, хотя в песне и пелось: "и как один умрём за Власть Советов". Это пели те, которые шли в бой, а народ посылал своих представителей в бой, чтобы самому выжить и победить. И мы этого достигли.

И Куба выживет и победит. Но в этой борьбе мы должны сейчас опираться не только на оружие и действовать прямолинейно. Нет, мы должны проявлять гибкость, учитывать современную обстановку, и прежде всего особенности Кубы, ее географического положения. Так вопрос не стоит и не может стоять в отношении Кореи, Вьетнама, - мы уже не говорим о европейских социалистических странах - это страны, уже списанные для капитализма. А в западном полушарии империализм, конечно, всё будет делать для того, чтобы достигнуть своей цели. Но нам не надо ему облегчать реализацию выгод своего положения. А таким облегчением сейчас было бы обострение положения до крайности, до вооруженного столкновения. Это один путь. И есть силы в Америке, которые хотели бы такого развития событий.

Но, видимо, самое главное сейчас, что избрали для себя президент США и его окружение, - это задушить экономически Кубу путём изоляции ее в торговле. Они хотят, как выражалась пресса США до кризиса, сделать Кубу невыгодным, дорогостоящим экспериментом для Советского Союза с тем, чтобы истощить ресурсы Советского Союза в оказании помощи и тем самым подорвать экономику Кубы, и сделать Кубу не только не привлекательным для латиноамериканских народов, но даже отталкивающим примером. Они хотят, чтобы жизненный уровень на Кубе стал более низким, чем он был до революции, когда на Кубе был Батиста.

192.

Такая ставка не нова для нас. В своё время подобные же расчёты строили в отношении Советской России, когда пытались костлявой рукой голода задушить нашу революцию. Империалистические интервенты, когда они были выброшены с советской территории и потеряли возможность расправиться с революцией вооруженной силой, тоже считали, что главное это создать условия хозяйственной разрухи и подорвать экономически социалистическую революцию в России. Такие же цели преследуются сейчас и в отношении Кубы.

Если кубинские товарищи, друзья наши, правильно поймут нас и доверятся нашим доводам, согласятся с теми шагами, которые мы намеряем, то Куба будет жить. Мы Кубу не бросим, — мы — братья Кубы; это мы говорили публично и повторяем сейчас. И мы всё сделаем, что в наших силах, с тем, чтобы Куба поднялась, — а она имеет возможности для этого. Наряду с оказанием помощи вооружением мы послали своих техников, агрономов, зоотехников, ирригаторов, ученых с тем, чтобы сосредоточить усилия на подъёме кубинской экономики. Это главный фактор. И Куба может продемонстрировать перед всем миром свои экономические способности, раскрывшиеся в результате изгнания монополий США, и захвата власти народом в свои руки под руководством своего вождя Фиделя Кастро и его соратников.

Вот, собственно говоря, как сейчас стоит вопрос в нашем понимании.

Если оглянуться на историю нашего государства, на времена Ленина, то Ленин шел на большие маневры, компромиссы и взаимные уступки. И это было правильно и оправдано историей. Нельзя поддаваться крикливой революционной фразе. Она может быть полезна, как молния во мраке: блеснет, осветит путь и сейчас же погаснет. Это хорошо на баррикадах. Но когда кончаются баррикадные бои, то это означает, что кончается период острой борьбы, который переходит, так сказать, в фазу затяжной борьбы в период длительного сосуществования. А это длительное сосуществование обязательно несёт с собой взаимную борьбу, потому что противостоящие друг другу социальные системы антагонистичны и примирить их невозможно. На этом длинном историческом пути, — а нет такой мерки, которой мы могли бы измерить, сколько лет возьмёт этот путь, — мы должны руководствоваться не только чувствами, но и фактами, нашими теоретическими марксистско-ленинскими положениями, успехами развития экономики социалистических государств и на этой основе проявлять умение в борьбе. Если пушки не стреляют, то дипломатия выполняет функции пушек. Нельзя, чтобы одно исключало другое:

только пушки, только ИЛ-28. Нет, это неверно. На данном этапе разумный шаг, который ставит перед всем миром противника в невыгодное положение, полезнее иной раз сотни пушек.

Право на стороне Кубы. Куба хочет быть независимым суверенным государством, и это понимают все государства мира. Даже оголтелые империалисты не могут открыто попирать этого права и не могут отрицать такого стремления кубинского народа. Все это как раз и создаст для империалистов еще большие трудности, когда независимость и суверенитет Кубы будут ограждены соглашением, закрепленным через ООН.

Если рассуждать о том, доверять или не доверять, то история учит, что была Битва Навин, затем она развалилась и была мировая война. Может ли сейчас развалиться ООН? Мы гарантий не даем. Может. Может ли разразиться мировая война? Может, и мы близки к этому. Но мы, как люди, как политики, как коммунисты, которые облечены доверием своего народа и не только своего, но и народов всех стран, должны все использовать для того, чтобы сохранить мир и обеспечить независимость своих государств и право каждого народа развиваться в таком направлении, какой изберет народ каждой страны.

Это надо понимать. Поэтому слова "верить или не верить" имеют значение лишь на митинге и то довольно быстро проходящее. А в политике мы должны пользоваться факторами более постоянного характера, действующими долгосрочно. Вот в чем смысл соглашения на данном этапе.

Мы узнали из твоего сообщения, что Фидель Кастро в своей запальчивости сказал, что если, мол, кубинская позиция (по вопросу об инспекции) ставит под угрозу мир во всём мире, то советская сторона может считать себя свободной от своих обязательств. Что можно на это ответить? Только одно, — мы очень огорчены таким пониманием со стороны нашего друга Фиделя Кастро, к которому мы питаем безграничное доверие и уважение как к действительному герою, беззаветно преданному революции. И когда он это сказал, мы думаем, что он сам понимал, что мы, конечно, имеем такое право — освободиться от обязательств, как и другая сторона имеет право сказать нам об этом. Это закономерно и нам понятно. Но сказать это в такой момент и в такой связи, неправильно понимая нас, — значит нанести нам гравму, заставить тяжело переживать.

Скажи Фиделю и его друзьям: что нас побудило пойти на соглашение с ними и послать своих людей на Кубу, что нас побудило послать туда своё оружие, что нас побудило послать своих технических специалистов, посылать к ним наших рыбаков, что нас побудило посылать к ним нефть и другие товары и покупать у них сахар? Неужели кубинские товарищи думают, что мы преследовали коммерческие цели, что мы от этого имели какой-то экономический эффект? Кроме издержек материальных, это ничего не даёт нам и это всем известно и это известно кубинским товарищам.

Мы послали своих людей на Кубу, которая ожидала вторжения. Мы знали, что если будет вторжение, то прольётся кровь и кубинцев и советских людей. Мы шли на это. Мы шли на это для Кубы, для кубинского народа. Да, мы шли на это и в наших интересах. Но наши интересы здесь выразались как общие революционные интересы, интересы революции, интересы интернационального рабочего движения, марксистско-ленинского учения. И только во имя всего этого мы это делали.

А сейчас, когда сложилась ситуация, которой мы ждали, а мы ожидали этого, когда шли на этот шаг, мы почти все это предвидели, — нас вот так оценивают. Слушать это было больно Микояну, а нам было не менее больно читать об этом.

Скажи Фиделю и другим друзьям, что мы могли бы занять "самую революционную" позицию, как некоторые делают сейчас. И в чём эта, так сказать, революционность выразалась бы? В пустой фразеологии. Когда создался кризис и нависла угроза над Кубой, мы могли бы принять резолюцию, обращение с самой отборной руганью против империализма США и мирового империализма, написали бы там, что они, империалисты, такие-сякие, что они на все способны, подлые-расподлые, и передали бы всё это по всем радиостанциям и на всех языках мира. И считали бы, что наш революционный долг в отношении героической Кубы выполнен.

Так что же — это имело бы большое значение? Империалисты же, как известно, от ругани — мы их ругаем 45 лет — не худеют. И если бы наши усилия ограничивались только тем, что мы ругали империализм и не принимали бы мер для реального усиления сил социализма, сил революции, то, наверное, мы уже давно перестали бы их ругать, так как они нас заставили бы замолчать физически, — а они умеют это делать. Они расправились бы с нами, как они поступали не с одной революцией и не в одной стране.

А вот при руководстве Ленина, в первые годы революции, когда у нас ни с кем не было дипломатических отношений и дипломатические каналы для проявления воли правительства Советского Союза были совершенно пресечены, тогда у нас была единственная возможность — лишь ругать империалистов. У нас тогда имелась одна радиостанция, называлась она "имени Коминтерна". И вот мы, так сказать, матом обкладывали империалистов и капиталистов всех стран и на всех языках. Вот это и была тогда наша дипломатическая деятельность.

Но мы пережили это время. У нас сложились другие отношения с внешним миром. Сейчас не только Советский Союз, но уже треть мира живёт под знаменем марксизма-ленинизма. С большинством стран мира у нас имеются дипломатические отношения. Поэтому сейчас решение вопросов зависит не только от соотношения сил, хотя соотношение сил — экономических и военных сил является, конечно, главным. Но дипломатии, когда пушки молчат, отведена роль довольно большая и отказываться нам от этого инструмента, который проверен и складывался веками, было бы неразумно. Оружие надо иметь. Но оружие несёт истребление, тем более в наш век. Поэтому для дипломатии здесь работы непочатый край.

Конечно, нам легко было бы выполнить свой революционный долг, если бы мы поступали так, как некоторые: проявили солидарность с кубинским народом и предложили свою кровь на донорских пунктах, чтобы смешать её с кубинской. Это довольно дешёвый революционный жест. Мы могли бы крови много послать, но когда началась бы война, так эта кровь смешалась бы уже не с кровью, а и с землей кубинской. И вряд ли от этого кубинскому народу было бы легче.

Мы же предприняли шаги другого характера. Мы привели в боевое состояние вооруженные силы Советского Союза, нашу ракетную технику и пустили в ход дипломатическую машину. И мы считаем, что достигли цели в интересах Кубы, в интересах народов Советского Союза, всех народов мира. Мы показали агрессивность Соединённых Штатов Америки, мы показали миролюбивость социалистических стран и Советского Союза, как наиболее сильного среди социалистических государств. А это не последний фактор в борьбе за умы народов сейчас, в наше время.

Поэтому мы огорчены, что друзья наши, видимо, этого не поняли; мы пошли на такие шаги во имя дружбы. А они этого не только не оценили, но даже сказали такие слова, которые заделали самые благородные чувства, затронули наши самые благородные революционные порывы дружбы к кубинскому народу.

Фидель Кастро в беседе с Вами высказал мысль о том, что размещение наших ракет на Кубе было осуществлено в интересах всего социалистического лагеря. Объясните Фиделю, что мы не так понимаем положение. Интересы обороны социалистического лагеря и СССР, как самого мощного социалистического государства, не требовали размещения наших ракет на Кубе. Чтобы обеспечить эту оборону, мы располагаем достаточно мощными ракетами на территории СССР и можем использовать их против империалистического агрессора.

Идя на размещение ракет на Кубе, по договоренности с кубинскими друзьями, мы преследовали цель — оказать помощь Кубе, защитить ее перед угрозой агрессора. Мы понимали, что это вызовет большой шок у американских империалистов, и это вызвало такой шок. Они сделали вывод относительно гарантий Кубе от нападения, выраженных в посланиях Кеннеди. Мы считаем, что цели, которые преследовались нами, достигнуты, и наша акция по размещению ракет на Кубе себя оправдала.

Мы получили сообщение от наших военных товарищей, что на торжественном заседании 6 ноября, которое проводили наши люди, начальник разведывательного управления Генштаба Кубы Педро Луис несколько раз пытался за своим столом поднять тост "за Фиделя — Сталина".

За Фиделя мы и сами поднимали тост у себя. А вот Сталина мы осудили. И нам обидно, что Педро Луис, этот человек, облеченный большим доверием, человек, который занимается разведкой, ловит врагов, поднимает на щит то, что нами осуждено, да еще в такое время напряжения между странами социализма и странами империализма. Это в какой-то степени — нарушение доверительных отношений между Советским Союзом и Кубой. Нам было очень неприятно читать это донесение, а нашим людям, которые находятся на Кубе, неприятно было слушать. (Эти данные сначала надо тщательно перепроверить, переговорить с товарищами, которые там были, поговорить с гг. Грибковым и Павловым).

Мы хотели бы сказать Вам всё откровенно. Это не последние трудности, которые мы с вами переживаем. Мы должны спокойно, с умением оценивать обстановку сегодня и видеть завтра, видеть будущее, — а оно у нас хорошее, это будущее. Нам придется пережить этот кризис, и это не последний кризис, потому что империалистический лагерь не оставит нас в покое и будет создавать кризисы в других местах. Поэтому мы должны помнить об одном: если мы действительно стоим на одних позициях, на марксистско-ленинских позициях, то надо искать совместные решения и предпринимать согласованные шаги, которые отвечали бы интересам социалистического лагеря, интересам мира и социализма.

Наши усилия идут в этом направлении. Куба сегодня оказалась в фокусе борьбы за эти идеалы. Поэтому мы делаем всё, чтобы добиться такого положения, при котором Куба шла бы по пути, избранному ее народом, т.е. развивалась бы на социалистической основе.

Относительно инспекции. Мы согласны, что односторонняя инспекция неприемлема ни для какой страны и в том числе для Кубы. Но предложение У Тана о "присутствии ООН" – это выгодно для Кубы. Это выгодно вообще для малой страны, потому что в этом случае ООН, т.е. всемирная организация в какой-то степени становится гарантом против вторжения в ту страну, которой угрожают вторжением. Конечно, это должно осуществляться на равной основе, с тем, чтобы наблюдатели ООН были бы на Кубе, в каком-то районе США, а также в других странах, прилегающих к Карибскому морю. Тогда будет соблюдаться суверенитет, равноправность, равные условия и будут равные гарантии. Если империалисты объявят, что Куба замышляет нападение, и поэтому они хотят иметь там наблюдателей, то, в свою очередь, и Куба, если против неё замышляется вторжение, может потребовать посылки наблюдателей и установления наблюдательных постов в тех странах, откуда возможна эта агрессия.

Мы считаем такой подход правильным. Мы сами еще в 1955 году, а затем в 1958 году при переговорах о разоружении внесли предложения, предусматривающие установление на взаимной основе наблюдательных постов на аэродромах, на железнодорожных узлах, на автомагистралях и в крупных портах. Эти наши предложения сохраняют свою силу и сейчас. Их цель – предотвратить опасность того, чтобы какая-либо агрессивная страна подготовила внезапное нападение, осуществила сосредоточение войск и совершила вторжение в другую страну.

Видимо, и сейчас, если мы ликвидируем кризис, который мы с вами переживаем, – а мы думаем, что ликвидируем его на основе взаимной договоренности, – этот вопрос приобретет своё значение не только для Кубы (а Куба может положить начало). Эту систему можно было бы перенести в Европу и в Азию, что служило бы делу обеспечения безопасности всех стран мира и прежде всего двух лагерей – стран социалистического лагеря и стран империалистического лагеря, входящих в военный блок НАТО.

Мы считаем, что это разумно. Поэтому сейчас надо идти на дипломатические переговоры, которые уже завязались.

В целях создания основы для этого, надо, чтобы наша сторона выполнила свои обязательства с тем, чтобы другая сторона выполнила свои. Президент США в своём послании это в принципе принял. (Но сослаться на это последнее конфиденциальное послание в разговоре с кубинцами не надо).

В своём письме товарищу Фиделю Кастро мы уже дали объяснение на его высказывание о том, что мы якобы с ним не консультировались. У нас ничего не остается, как только повторить сказанное: мы считаем, что это была консультация, когда мы получили из Гаваны телеграмму, в которой говорилось о том, что нападение на Кубу почти неминуемо и об альтернативе этому — упредить и нанести атомный удар.

Мы понимали вас так, что вы хотите, чтобы мы предприняли меры, которые бы упредили противника и исключили бы воздушное нападение на Кубу и вторжение на Кубу. Вы считали, что можно было бы этого достигнуть путем нанесения с нашей стороны атомного удара по США. У нас, согласно вашим же сведениям о сроках нападения на Кубу, не было времени для консультации по всей форме, которую мы хотели бы провести прежде, чем предпринимать то, на что мы пошли.

Поэтому мы надеемся, что вы поймете, что мы действовали в интересах Кубы, в интересах советского народа, в интересах народов всего мира. И, по нашему мнению, мы поставленной цели достигли.

Когда ты подготовишься, выбери момент для беседы. Как ты видишь из конфиденциального письма Кеннеди, нам нужно дать на него ответ. Мы сейчас задерживаем этот ответ на какое-то время и хотели бы получить твоё мнение, которое будет сообщено нам уже с учётом реагирования наших друзей. Тогда мы дали бы Кеннеди такой ответ, который не пришлось бы менять потом, такой ответ, который выражал бы желательную согласованную позицию и отвечал бы взаимным интересам — нашим и кубинским.

Мы знаем, что тебе выпала трудная задача. Но мы решили и военные со своей стороны довольно твёрдо сказали, что в интересах нормализации положения ИЛ-28 надо удалить с Кубы, чтобы не делать ИЛ-28 каким-то фетишем — или ИЛ-28 или ничего. Это было бы глупо, потому что это не такое оружие, из-за которого стоит разрывать переговоры и тем самым поставить под угрозу все достижения, которые мы имеем в переписке с президентом. Мы не должны предоставлять агрессивным силам возможность сорвать достигнутое и возложить на нас ответственность за этот срыв. Это было бы с нашей стороны непростительно, что было бы непониманием простых вещей.

Из материалов, которые нами получены (мы их послали тебе), ты видишь, что в ответственных руководящих кругах Соединённых Штатов якобы допускают возможность: чтобы не доводить до кризиса спор об ИЛ-28, американцы вроде могут даже согласиться на то, чтобы эти самолёты остались там, но чтобы мы дали заверение, что их число не будет увеличиваться в будущем.

Это, конечно, было бы самое лучшее для нас. Но исходить сейчас нам в разработке наших шагов из этого, было бы не совсем правильно. Поэтому мы должны проявить осторожность. Мы используем это, но в порядке торговли. Если это нам удастся выторговать, то, разумеется, мы от этого не откажемся, но надо наметить конечное решение, а конечное решение — это согласие вывезти ИЛ-28, что не повлияет на оборонные мероприятия, которые проведены на Кубе. Наоборот, вывоз этих самолётов стоит морального укрепления наших позиций в переговорах, так как США еще больше будут поставлены перед необходимостью подтвердить взятое на себя обязательство в послании президента перед всем миром и зарегистрировать это в Объединённых Нациях. Такой акт стоит вывозки, удаления с Кубы ИЛ-28.

Н. Хрущев.

На эту телеграмму А. И. Микоян послал следующий ответ Н. С. Хрущеву (спец. № 1809):

" ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущеву.

1. Получил № 1013, прочитал, продумал. Намечаемое решение по ИЛ-28 считаю совершенно правильным. Жаль, что этот вопрос так не ретили одновременно с ракетами. Несмотря на тот моральный ущерб, который наносит новая уступка, надо на это пойти, чтобы не дать повода американцам под предлогом неполного выполнения нами своих обещаний отойти от гарантий ненападения на Кубу и продолжить карантин фактически на неопределённое время, то есть, свести на нет то, что мы законно считаем победой.

У меня есть опасения, что Кеннеди, получив удовлетворение по этому вопросу, будет продолжать затягивать дипломатическое решение всего комплекса вопросов, связанных с разрядкой отношений вокруг Кубы, настаивая на тех или других новых моментах, которые приводятся в его послании, но которые формулируются в этом послании не как обязательные условия.